

0.1 Нравственный аргумент в пользу бытия Божия (НА).

Сильный пример действия нравственного закона в человеке дан в романе “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского. Убийство старухи-процентщицы заранее задумано Раскольниковым как необходимое действие (он оправдывает его тем, что старуха — злая женщина, является причиной страдания многих людей и пр.). Но когда Раскольников убивает старуху, в нем просыпается неумолимый голос совести, который в конце концов заставляет его сдаться в полицию и признаться в содеянном.

Этот пример говорит об объективном и автономном характере нравственности в человеке. Нравственный закон не зависит от наших собственных предпочтений, или рациональной позиции.

Откуда же в нас появилось стремление к нравственной жизни? Почему мы ставим перед собой цель нравственного совершенства, которая недостижима человеческими средствами? Кто является автором нравственного закона? Христианство всегда видело источник человеческой морали в Боге.

Простая форма НА:

- (1) Существует человеческий опыт нравственности.
- (2) Бог — лучшее или единственное объяснение этого опыта нравственности.
- (3) Следовательно, Бог существует.

Ниже приводится более современная, вероятностная формулировка того же рассуждения. В этой форме аргументация строится “от противного”. Также вместо расплывчатого выражения “человеческий опыт нравственности” вводится более конкретное — “объективно принудительные нравственные обязанности (обязательства)” (ОПНО)¹.

Вероятностная форма НА:

- (4) (Вероятно) если только не существует Бог, не может быть объективно принудительных нравственных обязательств.
- (5) Существуют объективно принудительные нравственные обязательства.
- (6) Следовательно (вероятно) существует Бог².

Ницше и Мэки подвергли критике посылку (5). С точки зрения этих философов нет никаких ОПНО, есть лишь “постыдный факт исторических фальсификаций”³. На самом же деле, нравственность якобы происходит из

¹Собственно, речь идет о нравственном законе, однако такая формулировка заранее предопределяет вывод о существовании Законодателя и потому не может быть основой для непредвзятого суждения.

²Слово “вероятно” в этом рассуждении указывает на то, что теисты признают существование альтернативных объяснений нравственных обязанностей, но теистическое объяснение является более вероятным.

³See Evans C. Stephen, *Natural Signs and Knowledge of God. A New Look at Theistic Arguments*. NY: Oxford University Press, 2010, p. 112.

экономических отношений должника и одолжившего. Живущий в обществе получает определенные преимущества, и поэтому имеет долг перед обществом. Со временем этот долг был осмыслен как обязанность человека перед Богом.

Такая позиция получила название *культурного релятивизма*: объективно принудительных нравственных обязательств не существует. Обозначение разных действий человека как правильные и неправильные (нравственность) зависит от культуры общества.

Иллюстрацией здесь могут послужить “Человеческие чипсы Глагнара”, фрагмент псевдо-рекламы, появляющийся в начале некоторых серий мультфильма “Футурама”. В этом эпизоде инопланетный монстр держит в лапах пакет с чипсами; между тем голос диктора рекламирует “Человечьи чипсы Глагнара. Такие хрустящие человечки!” (“It’s a bunch’a munch’a crunch’a human!”, — англ.).

Такая постановка вопроса шокирует зрителя. Для человеческой морали совершенно неприемлемо убивать человека (тем более для еды). Но создатели “Футурамы” придумали особое общество инопланетян, для которых такие действия, как поедание человечины — рутина. Таким образом мы имеем дело с *намеренным преувеличением культурных различий в разных обществах*. В результате нравственные нормы высмеиваются, происходит попытка сломать барьер, позволяющий человеку однозначно определять убийство людей как зло, постулируется нравственный нигилизм. К сожалению, результаты Ницшеанского людоедства оказались запечатлены в реальности Треблинки и других лагерей смерти, а не только в мультипликации Мэта Грейнинга.

 Итак, культурный релятивизм преувеличивает степень относительности и различия между различными культурами.

1. Существует устойчивое сходство нравственных представлений культур всего мира. Большая часть видимых разногласий — относительно фактов.

Пример: две культуры единодушны в том, что безнравственно убивать членов семьи, но первая группа включает в число членов семьи корову (которая может оказаться реинкарнацией усопшего родственника), а вторая не согласна. Поэтому для первой группы потребление говядины безнравственно, а для второй — нет. Но разногласие на самом деле относится не к базовому положению “убивать родственников безнравственно”, а к существованию реинкарнации!

2. Из различий конкретных верований и практик не следует относительность нравственных истин. Культура А считает, что действие X — безнравственно, а культура В — наоборот. Почему это обязательно означает, что действие X нейтрально само по себе (ни нравственно, ни безнравственно)? Более разумно прийти к выводу, что одна культура права, а другая — нет (или что обе частично правы, или не правы).
3. Если нет универсальных правил нравственности, невозможно говорить о нравственной оценке культуры. Например, оценка Гитлера как

безнравственного политика (общепринятое мнение) возможна только при условии существования универсальных норм нравственности.

Другой пример: европейская культура, декларирующая равные возможности для всех людей, как считается, превосходит рабовладельческую (например, культуры древнего Египта). Как вынести такое заключение, не опираясь на универсальные нормы нравственности, актуальные и для современной Европы, и для древнего Египта?

Еще один вариант критики посылки (5):

Что бы человек ни принимал в качестве правильного, это является правильным только для него (*индивидуальный релятивизм*). Возможно также, что когда человек оценивает некий акт, как неправильный, он не констатирует факт, а выражает индивидуальные эмоции по этому поводу (*этический эмотивизм*).

Результат: объективно принудительные нравственные обязанности не существуют.

Культурный и индивидуальный релятивизм оказываются несостоятельными на практике.

Пример: один человек ставит подножку другому и смеется, когда второй упав, прикусил язык. Второй обижен (эмоция) и считает, что первый совершил зло (позиция), и что это — объективный факт. Обиженный будет требовать *извинений*, что подразумевает признание обидчиком собственной неправоты.

На каком основании пострадавший требует извинений? На основании объективного нравственного закона — причинять боль и страдания и, тем более, смеяться над пострадавшим — безнравственно и неправильно. Важно, что обидчик, попав в похожую ситуацию, будет также требовать извинений.

0.1.0.1 Натуралистический гуманизм

Критика посылки (4): “Если только не существует Бог, не может быть объективно принудительных нравственных обязанностей”.

Некоторые атеисты, возможно, скажут, что существование нравственных обязательств просто является голым фактом, который не нуждается в объяснении.

Но мир, в котором нравственность существует как “голый факт” не похож на естественную, “расселовскую” вселенную, в которой все сводится к базовым физическим частицам. По мнению Мавродис, Эванса и других философов религии, в таком мире “нравственные факты не были бы «глубоки»”⁴. Мир, в котором существуют абсолютные моральные факты, больше похож на “платоновскую” вселенную, которая, хотя и не обязательно является теистической, но в целом соответствует религиозной точке зрения.

⁴Ibid, p. 115.

Вероятно, осознавая, что постулирование человеческой нравственности, как голого факта, не отвечает научному методу (подразумевающему принцип достаточного основания), а также чувствуя неубедительность такой картины, помещенной в контекст естественной вселенной, многие философы постарались все же найти объяснение этих фактов.

0.1.1 Альтернативные объяснения нравственных обязательств.

“Эгоистическое” объяснение.

Нравственным быть выгодно, это в интересах самого человека. Я не могу быть агрессивным и лживым, потому что иначе, рано или поздно, другие отплатят мне той же монетой.

Критика:

- возможны ситуации, когда от человека требуется пожертвовать чем-то серьезным (иногда даже жизнью) — какая выгода в этом случае?
- из эгоистического объяснения следует не то, что надо *быть* нравственным, а то, что надо *казаться* нравственным для окружающих. Когда же появляется возможность обойтись без этого, вполне допустимо нарушить нравственные обязательства. Однако, как известно, лицемерие считается безнравственным.

Может быть, нравственные обязательства основываются на общем благе (а не на собственном благе индивидуума)?

Это не может быть объяснением происхождения нравственных обязательств, а лишь констатацией загадки нравственности. *Почему* я, как индивидуум обязан делать то, что является наилучшим для всех, а не то, что лучше всего для меня самого?

Нравственные обязательства могут основываться на природном инстинкте (например, на желании ощущать симпатию к другим людям).

Такие инстинкты существуют, но не являются объяснением нравственности.

- Существуют и такие инстинкты, которые приводят к безнравственной деятельности (например, расовой дискриминации).
- На самом деле нравственным считается усмирять свои наиболее сильные инстинкты. Некоторые инстинкты (инстинкт предохранения ребенка от любой боли или дискомфорта) не являются ни совершенно хорошими, ни совершенно дурными, требуется оценивать их в каждом конкретном случае.
- Раз инстинкты различаются, как можно оценить какие инстинкты? В каких условиях они являются позволительными, а в каких — их следует подавить? Как различить полезные инстинкты от вредных, *если нет*

высшего стандарта их оценки? Если же такой стандарт есть, то отвергается первоначальная посылка критиков о том, что нравственные обязательства основываются на природных инстинктах.

0.1.2 Нравственные обязанности могут быть объяснены человеческой биологией и психологией.

0.1.2.1 Классический утилитаризм (Jeremy Bentham, John Stuart Mill).

 Если определить одни естественные свойства (напр. удовольствие) как хорошие, а другие (боль, страдание) как плохие, и если мы примем общую “обязанность” способствовать “хорошему” и предотвращать “плохое”, то это объясняет ОПНО⁵.

 Возражения:

1. Из того, что некоторые люди желают некоего результата, не следует, что этот результат на самом деле является благом. Например, некоторые биологи считают, что одним из “естественных” черт человека является желание доминировать и контролировать других. Даже если это так, вряд ли можно вывести из этого заключение, что доминирование и контроль над другими людьми является благом.
2. Даже если мы согласимся, что можно определить некоторые результаты человеческих желаний как благо, это не означает, что из такого человеческого “блага” можно вывести нравственные обязанности, совесть.

Пример: Какому-то человеку срочно нужна пересадка почки чтобы жить. Допустим у меня две хорошие почки, я мог бы пожертвовать одну без существенного риска для здоровья, и моя почка подойдет. Результат кажется очень хорошим. Нет сомнения, что такое решение с моей стороны было бы нравственно хорошим. В то же время вряд ли в этой ситуации у меня есть *нравственная обязанность* стать донором. Для того, чтобы появилась НО отдать почку, нужно что-то большее, чем просто благо как результат этого действия. /с119/

Более того, в некоторых случаях действия, которые принесли бы наилучшие результаты, — совершенно аморальны и у нас есть НО *не совершать* таких действий. Например, полицейский может предотвратить уличные беспорядки, в котором сотни людей были бы убиты, отдав одного невиновного человека разбушевавшейся толпе. Даже если таким образом был бы получен наилучший результат, из этого не следует, что полицейский

⁵ Современный утилитарист Бойд (Richard Boyd), хотя в целом поддерживает эту позицию, не согласен с тем, что “добро” может быть сведено к простым свойствам, таким как удовольствие. Благо должно быть связано со сложным комплексом свойств и мы должны положиться на научное исследование того, какие типы действий на самом деле производят благо.

имеет НО отдать на растерзание толпе невинного человека. Скорее, наоборот.

3. Утилитаристы обычно настаивают на том, что НО связаны с непредвзятостью. Человек нравственно обязан рассматривать нужды и желания не только своих близких, но и других людей (и даже разумных животных) наравне со своими нуждами и желаниями. Личность, которая так поступает, без сомнения ведет себя нравственно. Но почему мы должны принимать такую точку зрения? Что является источником нашего долга поступать таким образом?

Более того, непредвзятый взгляд человека на собственную деятельность — это то, как она выглядела бы со стороны “идеального наблюдателя”! Но мы, люди, не являемся идеальными наблюдателями. Встает вопрос *почему* я должен заботиться о том, как (фиктивный) идеальный наблюдатель рассматривал бы мое поведение? Конечно, это обретает смысл, если идеальным наблюдателем является реальная личность (Бог), чья оценка важна для меня. Но если такой личности нет, неясно, почему я должен заботиться о такой внешней оценке моих действий. Таким образом, одна из наиболее базовых черт НО не может быть объяснена с точки зрения утилитариста.

Некоторые ученые предполагали, что альтруистическое поведение имеет генетическую основу. Однако, даже если эти теории преуспеют в объяснении, почему люди иногда ведут себя нравственно, совершенно неясно, каким образом такие факты могут объяснить существование действительных нравственных *обязанностей*. Ни одно биологическое объяснение того, почему люди заботятся о других людях, не способно объяснить почему им *следует* заботиться о них.

0.1.2.2 Теории общественного договора.

 Нравственные обязанности объясняются общественным договором, который заключен людьми. НО — человеческая конструкция, поэтому нет нужды в Боге, чтобы объяснить их существование.

По мысли Томаса Гоббса (Thomas Hobbes), в естественном состоянии люди свободно следовали бы собственным желаниям, игнорируя интересы других. Но в таком обществе, состоящем из эгоистов, блага, являющиеся результатом совместных действий, оказались бы под угрозой. Поэтому “принятие долга является действительно выгодным”⁶.

Общественный договор состоит в том, что люди соглашаются принять некоторые ограничения своей свободы в том случае, если другие соглашаются на те же ограничения. Я не буду вам врать, или красть, или нарушать обещание при

⁶Cf. Ibid, p. 121.

условии, что вы не будете врать мне, красть у меня, или нарушать в отношении меня свои обещания.

Важно заметить, что соглашение обоюдное и обусловлено тем, что делают другие. Другие основания были бы иррациональны.

 Какова природа общественного договора? Это реальное соглашение, или гипотетическое? Каждый вариант ответа имеет свои недостатки.

Допустим, это реальное соглашение, заключенное личностями.

Можно спросить: когда был заключен этот договор и каким образом? Что если во время его заключения кто-то не был проинформирован о встрече?

 Возможно никакой формальный договор не нужен, соглашение может подразумеваться.

 Все ли пообещают выполнять такой договор? Как насчет наемного убийцы, или расиста, который считает, что он может вести себя как угодно по отношению к людям другой расы?

Если нравственные правила, управляющие нашими жизнями основаны на реальных соглашениях, почему мы уверены, что есть только одно такое соглашение? Очевидно разные сообщества могут и действительно будут иметь разные правила?

Если правила должны быть такими, чтобы все члены общества приняли их, они должны отражать различия в статусе и силе, которыми обладают разные люди. У богатого и бедного — разные представления о том, какие правила должны иметь силу закона. Однако, нравственные обязательства для всех одинаковы.

Почему люди не могут выйти из договоров нравственного характера (как они это могут сделать в отношении обычных договоров), если это серьезно вредит их интересам? Есть много случаев, когда нравственные действия приводят к ущемлению интересов действующего. Достаточно вспомнить выступление московского святителя Филиппа, который не побоялся царской власти, обличая грозного царя в его злодеяниях. Этот нравственный подвиг привел к заключению и убийству святителя, чего тот не мог не предвидеть.

Натуралисту, для которого высочайшей ценностью обладают такие вещи как жизнь, богатство, репутация сложно объяснить обязывающий характер НО в таких случаях. Общественный договор не может быть источником принудительных нравственных обязанностей, которые ставят под угрозу саму жизнь участников.

 С кем заключается договор?

Мотивация обычного человеческого соглашения — личный интерес, его заключают с теми, кто может принести ответную пользу (или является источником угрозы). Однако есть множество людей, обладающих душевными или

физическими расстройствами, или тех, кто живет в жестокой бедности, которые не могут принести нам никакой пользы (и не представляют никакой угрозы). Однако считается, что у нас есть НО по отношению к бедным и больным, и эти обязанности особенно важны.

Сложно понять, каким образом такие обязанности могут быть результатом реального соглашения, мотивированного личными интересами.

Но что если мы имеем дело не с реальным соглашением, а с гипотетическим?

Нравственные правила — те, которые люди бы приняли, если бы не знали о своем реальном статусе в обществе. Допустим, я еще не знаю, какой будет мое положение: буду ли я мужчиной, или женщиной, богатым, или бедным, в каком регионе мира я буду жить и т.д. В этом случае можно считать более вероятным, что правила, на которые я соглашусь, будут честными и беспристрастными для всех, поскольку иначе возникает риск поддержать несправедливое соглашение, которое ставило под удар ту группу, в которой мог бы оказаться я сам.

Однако неясно, как *реальные* обязательства могут основываться на договоре, который является лишь гипотетическим?

Возможно есть правила, по которым люди согласились бы жить, если бы они встретились под “вуалью неведения”, не зная, какие позиции они займут в жизни. Но сложно видеть, каким образом этот факт создает обязанности для нас как действительных личностей. Ведь мы не являемся теми фиктивными персонами.

Есть еще один серьезный недостаток теории общественного договора.

Мы уже заметили обоюдный характер соглашений между людьми. Договор должен соблюдаться обоими сторонами. Но мы часто становимся свидетелями нарушения обоюдности. Возьмем к примеру, списывание работ в учебных заведениях. С точки зрения общественного договора студентам должно быть выгодно придерживаться правила, запрещающего списывание. Ведь если и другие нарушат правило, обман широко распространится, и возникнет много нежелательных последствий, а обучение превратится в фикцию. Проблема, однако, в том, что в реальном мире списывание очень распространено. Т.е. *обязанности* не списывать не появилось, несмотря на существование очевидной выгоды от соблюдения такого договора.

Т.о. человеку выгодно заключить общественный договор, но выборочно нарушать его, “когда никто не видит”. Таким образом личность получает преимущества обоих миров: репутацию нравственного человека, в то же время имеющего возможность действовать аморально в некоторых случаях.

Однако нравственный договор есть, и он действует, несмотря ни на какие выгоды. Совесть обличает нечестного студента, коррумпированного чиновника, недобросовестного врача. Из этого можно сделать вывод, что обоюдная выгода не может служить объяснением существования НО. Есть нечто, стоящее выше взаимных расчетов и договоров.

0.1.3 Теории самозакония⁷.

— Люди сами признают для себя необходимыми нравственные правила. Мы являемся и авторами нравственного закона, и его субъектами. Подчеркивается рациональная природа нравственности.

+ Но самозаконие — это не основание НО, а скорее способ, которым вводится беззаконие, или эксперименты с нравственным законом⁸. Закон, данный самому себе не обладает обязывающей силой. Если индивидуум способен ввести закон, он точно также может его отменить и подвергнется искушению это сделать, как только мораль противостанет тому, чего он хочет.

Другой недостаток теории самозакония: если нравственный закон самостоятельно дается личностью, то его содержание — произвольно.

— Однако, кантианцы предлагают такой критерий: человек должен поступать согласно таким правилам, которые он желал бы сделать общим законом⁹.

+ Это требование настолько формально, что оно не может само по себе указать никакого конкретного содержания. Люди могут хотеть чего угодно в качестве общего закона, не противореча себе.

— Другим критерием является требование относится к другому человеку не только как к средству, но всегда и как к цели.

+ Речь здесь идет о том, что одно разумное существо должно *ценить* другие разумные существа¹⁰.

Однако безусловная ценность человеческой личности — явное указание на Бога.

“Самозаконие” в некотором смысле реально, ведь у людей есть выбор, как им строить свою “практическую идентичность”. Но встает вопрос: правы ли те, кто дегуманизируют других людей (напр. нацисты, видевшие в других расах недочеловеков, “унтерменшей”), кто не способны распознать объективную истину, что все люди имеют внутреннюю ценность?

Неужели эти люди просто недостаточно размышляли и рефлексировали и потому не смогли разглядеть эту черту человека?

Если нацисты ошибались в своих оценках, значит существует объективный нравственный закон, а человек действительно обладает внутренней ценностью.

⁷Self legislation (англ.). Концепция самозакония была введена Кантом, и хотя автор подразумевал существование Бога, однако его последователи сочли, что это излишняя деталь.

⁸Кьеркегор, See Ibid, p. 127)

⁹Т.н. “категорический императив” Канта. Справ.: “Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки” (Мф. 7:12).

¹⁰В формулировке современного философа-кантианца Кристины Корсгаард: “За нашими более практическими частными идентичностями стоит наша идентичность как нравственных существ, как людей, которые ценят самих себя в качестве человеческих существ”, see Ibid, p. 129.

Если же они правы, то тут уместно вспомнить фразу, приписываемую Ивану Карамазову: “Если Бога нет, то всё дозволено”. Человек обладает лишь относительной ценностью, поэтому никаких объективно принуждающих нравственных обязанностей в отношении него не существует. В таком случае выбор людей, все же рассматривающих человека, как имеющего внутреннюю ценность — совершенно произволен и даже “радикален” по выражению Эванса¹¹.

 Однако любая позиция, которая не признает ценности человека - разновидность ошибочной позиции. Например, нацисты просто заблуждались, не признавая внутренней ценности любого человека.

 Ошибка эта заключается не в неспособности распознать нравственную истину, но в трудности с решением практической проблемы “правильным” способом, которого требует “разум”. Но почему другие решения могут быть “неправильными” если люди как таковые на самом деле не имеют ценности, которая подразумевается моралью?

Принцип внутренней ценности всех людей не является неизбежным результатом рассуждения. Например, Аристотель, который “буквально изобрел логику и определил западную концепцию рациональности”¹² смотрел на женщин и рабов как на естественно низшие существа, лишенных фундаментальных прав.

Люди которые не способны на рациональную рефлексии: младенцы, тяжелые душевнобольные, страдающие от сенильности, — создания, по отношению к которым у нас есть особые нравственные обязанности. Они имеют внутреннюю ценность и достоинство, которое не может быть укоренено в способности рассуждать.

Даже если мы согласимся, что ценность человека укоренена в рациональности, нет никаких причин признавать ценность всех людей. Многие люди часто говорили о других людях о как не вполне рациональных. Те, кто дегуманизирует рабов, женщин, или людей другой расы слишком уж обыденно отрицают, что те, кто дегуманизированы не способны на самом деле к рациональной рефлексии. Если такие люди ошибаются, значит опять субстантивный моральный реализм истинен.

 Нравственные обязательства можно объяснить как результат эволюции: “альтруисты” выживали лучше, чем мизантропы, “человеческие стаи”, в которых практиковалась взаимопомощь, оказались в более выгодном положении, так как особи в них действовали в интересах всей “стаи”, а не каждая — в своих собственных. Поэтому законы, заставляющие помогать слабым, сочувствовать, воздерживаться от агрессии и так далее, закрепились в человеке естественным путем.

¹¹See Ibid, p. 130.

¹²Ibid, p. 131)

 Теория эволюции не объясняет, почему люди имеют нравственные обязательства *в настоящее время*.

В действительности тот, кто принял Теорию эволюции, мог бы вполне обоснованно отвергнуть существование актуальных нравственных обязательств (они больше не нужны для выживания).

Выводом из натурализма будет то, что мораль не существует объективно. Linville считал, что это поведет к моральному скептицизму и антиреализму.

C.S.Lewis: Если принять эволюционный натурализм, человеческая мораль не может быть описана, как абсолютная и объективная, так как моральные утверждения не могут быть описаны, как истинные, или ложные. Несмотря на это, те, кто принимает эволюционный натурализм, действуют так, как будто объективные моральные истины существуют, что ведет к отвержению натурализма.

Итак Центральная мысль НА — существование нравственные обязательства в натуралистической вселенной (где нет Бога) — очень странно. Это особенно странно, если признается (натуралистами) голым фактом. Существование нравственных истин нуждается в объяснении. Никакого адекватного натуралистического объяснения не выдвинуто.

0.1.4 Христианское объяснение Нравственных обязательств

0.1.4.1 Теория божественных заповедей.

 Нравственные обязательства основываются на Божественных заповедях и объясняются ими. Если бы заповеди не были даны, не было бы и нравственных обязательств.

 Возражение:

Если источником нравственности в человеке является повеление Бога, то неясно, что является основанием при определении добра и зла. Заповедь становится произвольной, ведь Бог мог бы объявить, например, убийство детей добром, а не злом. Что Бог заповедует, то и является нравственным. Выходит, что благость Бога условна: Он мог объявить “благим” то, что решил сделать, или заповедать. (Отметим, что этот взгляд перекликается с мнением Боэция.)

 Более сдержанный вариант:

Если Бог заповедует определенное действие, это не делает такое действие хорошим, оно хорошо независимо от заповеди. Однако заповедь делает это действие *обязательным* для людей. Бог ценит добро и повелевает нам творить это добро.

Однако, при такой постановке вопроса возникает проблема: необходимо дополнение, объясняющего происхождение блага, чтобы сформировать полную теорию ценности.

0.1.4.2 Теория человеческой природы (теистическая)

Многие христиане не согласны с Теорией божественных заповедей.

Чтобы понять свои обязательства, мы должны понять телос (цель, назначение, совершенство) человека, ради которого мы сотворены. Так как люди сотворены Богом, они обладают собственной ценностью, поэтому существуют модусы должного и недолжного отношения к людям.

Нравственные обязательства определяются тем, что позволяет нам достигнуть телоса (расцвета человеческой природы) в индивидуальном и коллективном порядке. См. учение прп. Максима Исповедника о логосе человека.

Тщательное размышление над человеческой природой дает возможность распознать намерения Бога в отношении того, как мы должны относиться к другим людям.

Но умственные способности многих людей ограничены, а разум поражен грехом, поэтому Бог открыл нам наши обязательства (некоторые?) в форме заповедей.

Божественные заповеди открывают то, что мы и ранее должны были делать, а не создают заново сами эти обстоятельства.

Плюс ТЧП — объяснение нравственных обязательств в отношении новых фактов в истории человечества: например, клонирование, или искусственное оплодотворение. Объясняет, почему существуют нравственные обязательства, которые нельзя возвести ни к одной заповеди, данной нам Богом. К тому же, лишено указанного недостатка ТБЗ.

Плюс ТБЗ — объясняет индивидуальные заповеди (для одного человека, или группы), т.к. допускает, что Бог может создать новые обязательства просто давая новые заповеди, или ограничить область применения некоторых заповедей, если пожелает. (Ясно, что ТБЗ связана с толкованием некоторых мест ВЗ, особенно Левита и Второзакония — с лопаточками и т.п.).

TODO: разобраться с ТБЗ — см. доп. источники (К-Платонова, engl wiki)

Есть другие обоснования нравственности Богом. Все они сходятся в том, что существование нравственных обязательств является более обоснованным в мире, где есть нравственная сверх-Личность (она является “предельной реальностью” этого мира), чем в мире, где личности — поздний, незначительный побочный продукт безличных сил.

Большая часть нравственности сводится к уважению ценности и значения **личности**, что имеет гораздо больше смысла в **личностной** вселенной (это также — аргумент против Пантеизма)

Нравственное доказательство имеет некоторую силу для тех, кто придерживается некоторых этических взглядов. Однако не работает, как убедительное для всех и не опровергает решительно точку зрения нравственного релятивизма

НД дополняет КД и ТД, так как говорит о Боге, как о нравственном Существе.

•

Нравственный аргумент обладает значительной внутренней силой благодаря “внутренней ценности”, которую мы склонны видеть в человеке. Поэтому, несмотря на некоторые сложности, с которыми сталкивается этот аргумент, он все же указывает на Бога, как на лучшее объяснение нравственного закона.

Evans C. Stephen. Natural Signs and Knowledge of God. A New Look at Theistic Arguments. NY: Oxford University Press, 2010.